

Майнагашева Нина Семеновна

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА И ЛЕГЕНДА О ГОРНЫХ ЛЮДЯХ В РАССКАЗАХ МИТХАСА ТУРАНА

В данной статье анализируются рассказы хакасского писателя Митхаса Турана с целью выявления и описания специфики национального образа мира. Выявлен состав художественных компонентов в рассказах "Дочь горных духов", "Тополя", "Козьи лапки", отражающих национальный образ мира хакасов. Основные элементы национального образа мира, как показывают рассказы Митхаса Турана, лежат в мифопоэтике и в художественных образах и мотивах, используемых писателем.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-4/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 4. С. 35-39. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

16. **Оросина Н. А.** «Многослойные» рукописи дореволюционных текстов якутского эпоса олонхо: некоторые вопросы методики текстологического описания (на примере рукописи олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Г. Оросина) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 3 (57): в 2-х частях. Ч. 1. С. 156-159.
17. **Орус-оол С. М.** Тувинские героические сказания: текстология, поэтика, стиль. М.: МАКС Пресс, 2001. 422 с.
18. **Попов Н. Ф.** Тойон Нюргун бухатыр / сост. А. А. Кузьмина, А. Н. Данилова; отв. ред. В. В. Илларионов. Изд-е 2-е. Якутск: Алаас, 2015. 192 с.
19. **Пропи В. Я.** Текстологическое редактирование записей фольклора // Русский фольклор: материалы и исследования. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1956. Вып. 1. С. 196-206.
20. **Путилов Б. Н.** Современная фольклористика и проблемы текстологии // Русская литература. 1963. № 4. С. 100-114.
21. **Смирнов Ю. И.** Достоверность фольклорного текста // Фольклорное наследие народов Сибири и Дальнего Востока: сборник научных трудов. Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1991. С. 6-22.
22. **Шакурова Ш. Р.** Текстология башкирского народного эпоса «Урал-Батыр» (проблема базового научного текста): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1998. 22 с.

**THE PROBLEM OF BASIC AND “MULTI-LAYER” TEXT OF THE YAKUT HEROIC EPOS
(ON THE BASIS OF THE OLOKHNO MANUSCRIPTS BY N. F. POPOV “BOGATYR TOION NYURGUN”)**

Kuz'mina Aitalina Akhmetovna, Ph. D. in Philology
*Institute of the Humanities and the Indigenous Peoples
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
aitasakha@mail.ru*

The article is devoted to the problem of basic and “multi-layer” text of the Yakut heroic epos. Having analyzed olonkho manuscripts by N. F. Popov “Bogatyr Toion Nyugun” (1895), the author identified the basic autographic text by N. F. Popov, the manuscript copies by anonymous scribe I. N. Orosin, 1908 edition by E. K. Pekarsky and 2015 re-edition. Every manuscript, every edition is written by its original alphabet and transcription which clearly shows the evolution of the Yakut written language.

Key words and phrases: folklore; textology; epos; olonkho; manuscript; basic text; “multi-layer” text; autographic text; copies.

УДК 82.091

В данной статье анализируются рассказы хакасского писателя Митхаса Турана с целью выявления и описания специфики национального образа мира. Выявлен состав художественных компонентов в рассказах «Дочь горных духов», «Тополя», «Козьи лапки», отражающих национальный образ мира хакасов. Основные элементы национального образа мира, как показывают рассказы Митхаса Турана, лежат в мифопоэтике и в художественных образах и мотивах, используемых писателем.

Ключевые слова и фразы: Митхас Туран; национальный образ мира; мифологизм; хакасы; рассказ; хакасская литература.

Майнагашева Нина Семеновна, к. филол. н.

*Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Nina_71@inbox.ru*

**НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОБРАЗ МИРА И ЛЕГЕНДА О ГОРНЫХ ЛЮДЯХ
В РАССКАЗАХ МИТХАСА ТУРАНА**

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00332.

Понятие *национальный образ мира* в литературоведческую науку введено относительно недавно. Многие исследователи вслед за Г. Д. Гачевым приходят к мнению о том, что основой в постижении национального своеобразия литератур разных народов является национальная картина мира. Г. Д. Гачев считает, что единый мир все народы воспринимают по-разному. «Каждый народ видит Единое устройство Бытия (интернациональное) в особой проекции, которую я называю “национальным образом мира”, – пишет он. – Это вариант инварианта (единой мировой цивилизации, единого исторического процесса)». Ученый каждый этнос рассматривает как особый «Космо-Психо-Логос», который включает в себя «единство национальной природы, склада психики и мышления» [2, с. 11].

Каждый писатель видит и изображает в своем произведении мир так, как видит его родной народ, и в литературных произведениях проявления национальной жизни очевидны. В век унификации и глобализации имеется угроза стирания национального, специфического в культурах народов. И размышляя об этом, Г. Д. Гачев пишет, что «в ядре своем каждый народ остается собой до тех пор, пока сохраняются особенный климат, времена года, пейзаж, пища, этнический тип, язык и проч., ибо они непрерывно питают и воспроизводят национальные склады бытия и мышления» [Там же, с. 23].

Национальный образ мира в хакасской литературе не исследован, этим и определяется новизна работы. Цель данной статьи состоит в выявлении специфики национального образа мира в хакасской литературе на примере рассказов Митхаса Турана (1929-1992) «Козьи лапки» и «Дочь горных духов», вошедших в сборник «Чуртас чолларынча» («Дороги жизни») [5]. В художественной системе этих рассказов, на наш взгляд,

наиболее ярко проявляются элементы этнической идентичности, или, согласно определению В. М. Гацака, «этнопоэтические константы» [Цит. по: 6, с. 5], которые служат ключом к пониманию культуры народа.

Жизнь героев Митхаса Турана неотделима от небольшого *аала* (деревни), того уголка земли, где жили их предки, живут сами и должны жить дети. В этом видят смысл бытия многие из них. Все события в рассказах Митхаса Турана происходят в родной деревне героя или в окрестностях ее, тайге или соседней деревне. Таков старый охотник Адорс в рассказе «Киик пысхахтары» («Козьи лапки»). У хакасов каждый род имеет свое родовое дерево, что связано с мифопоэтической моделью мира, предполагающей тесную связь человека и природы. Говоря о специфике мифопоэтической модели мира, В. Н. Топоров отмечает, что здесь «все причастно космосу. Свяzano с ним, выводимо из него и проверяется и подтверждается через соотнесение с космосом» [4, с. 162]. Для Митхаса Турана тополь как мировое древо является важнейшим образом в передаче основных представлений народа о вселенной.

Родная земля – *чир-суг* – не только дает силы, но и дает моменты «прозрения», «просветления», когда человек осознает ценность родственных отношений, ценность родной земли. Старик Адорс из рассказа «Козьи лапки» переживает, что сын живет вдали от родной земли, в городе, и ничего не знает о тайге. Он никогда не любил «разленившихся, располневших мужчин, которые разучились выполнять мужскую работу» [5, с. 92], а теперь и его родной сын стал таким. Старик надеется, что их совместный поход в тайгу даст понять сыну, как он отдалился от родной земли и стал бояться тайги. Адорсу тревожно за то, что на родной земле нет его детей: и сын, и дочь живут где-то в городе. *«Полысчаң кизи чогыл. Чалгыс оолгын ипчизи Параско жүредерге ле күстеп. Хыстарын ідөк. Хайы ам, палаларын көрерге дее таппассың, хайда-хайда чөргелечелер, хайдаг-хайдаг туганнызлар (выделено автором статьи – Н. М.). Пеер килзе, оларга аң на тееризи кирек»* [Там же, с. 96-97]. / «Помогать некому. Жена, Параско, единственного сына заставляла учиться. И дочку тоже. И что теперь, захочешь, их детей даже в глаза не увидишь, **неизвестно, где ходят и с кем роднятся**» (здесь и далее перевод автора статьи – Н. М.).

Оскар, сын Адорса, побывав в тайге, действительно был очарован первозданной красотой родной земли, и отец стал ему по-особому близок и дорог. *«Оскар таг хырында хайхан турган. Аның алнында оңарылыстыг нимес илбек ах чарых азылган. Пабазы пу нилдістіг ниместің – күннің, тигірінің, прай тайганың – хайдаг-да чардыгы. Ол, наа төріпчеткен ах чарыхты көріп, прай оңарып аларчых: пүүңгі, таңдагы, аннаң даа андархы күннерде тигір хайди алызарын, хайдаг чиллер, харлар түзерін, аны хоостыра поэзының чуртазында устанарчых. Оскар, тізең, тайгадагы сілігнің чахайах чили наа алчасчатханына аптаттыр салып, аңмай турган»* [Там же, с. 92]. / «Оскар, стоя на вершине горы, был очарован. Перед ним открывался непонятный и необъятный свет. Отец – частица всего этого непонятного мира, солнца, неба, тайги. Он, глядя на этот новый рождающийся свет, все бы понял сразу: какое небо, какие ветра, снега будут сегодня, завтра и в последующие дни, руководствовался бы всем этим знанием в своей жизни. А Оскар смотрел на эту открывающуюся таежную красоту, словно на раскрывающийся цветок».

Оскар как бы заново рождается вместе с этим чудесным рассветом в тайге, ему в голову приходят мысли, какие никогда доселе его не посещали. Ему никогда не было дела до отцовских знаний природы и самой природы. Именно здесь и в этот день он стал взрослее, внимательнее к отцу и тайге.

Адорс – охотник с многолетним стажем, но он очень бережно относится к обитателям тайги, любит красоту и изяществом косуль. Обнаружив, что в его ловушку попала самка косули, он ловит молящий взгляд зверя, гладит рукой голову, шею, удивляется, как человек может погубить такую красоту. Много раз и он стрелял косуль, но теперь в его душе что-то перевернулось. Именно в этот день Оскар впервые видит, что отец прав, говоря о том, что человек своей рукой истребил в тайге все: на протяжении нескольких километров он не встречает ни одной птицы, ни одного зверя. Но даже в этом случае тайга одухотворяет человека, обогащает его знаниями природы, придает смысл его жизни.

Поход в зимнюю тайгу Оскара – это своеобразное испытание, процесс инициации. Сначала это пространство чуждо ему, он готов бежать за отцом, деревья, пни, снег, темный лес – все доставляет ему неприятные ощущения. *«Чирнің түбінзер түс париган көңінің харалысчатхан төкпестер, чадыктар аразынзар чөр сыххан. <...> Агастар кистінде пабазының адының хазаглыг туйгагы хыйтлап париганы истіл халды. Анда чылыг тулуп, пабазының тадылыг тамкы чызы... Көңнең не ниди тастат париганына Оскарга хомзыныстыг, поэзы поэзына айастыг нилдір парган. Ол пиленге көнік парган кизи, тайганың хатыг сындырлиһнаң, иргі күлүктернең тиңнес көрерге, ныхахтагы чили пол килерге харазыбысхан. Хайдаг сіліг нилдірген, тагдаң тага ханады чох учух чөрген хызыл киикти, чүгүрте атып, ибзер чүктен килері. Амды, тізең, ол, мылтиш тастап, пабазының соонча чүгүрчеткедег. Пабазы оолгын, хысхыда ниди тайгалап хаңан даа чөрбеенін ниле-тура, чалгысхан тастап чөрібісті, хайдаг хомай»* [Там же]. / «Он с отвратительным настроением стал пробираться в сторону чернеющих пней и валежников. <...> Слышно было, как за деревьями удалялись подковы отцовской лошади. Там теплый тулуп остался, вкусный запах дыма отцовских сигарет... Оскару как-то обидно стало, что его так оставили, даже жаль себя показалось. Он, человек, привыкший ко всему готовому, решил потягаться с жесткими законами тайги, ощутить себя наравне с заядлыми таежниками, *хотел в сказке побывать* (курсив автора статьи – Н. М.). Какой красивой и заманчивой казалась мысль о том, что можно принести домой косулю, без крыльев перелетающую с вершины на вершину, застрелив ее на скаку. А теперь он готов бросить свое ружье и бежать за отцом. Отец, зная, что сын никогда не ходил вот так, как сегодня, зимой в тайгу, оставил одного. Как же плохо».

Как сказочный герой преодолевает трудности или выполняет сложное задание и удостоивается чести и славы, так и герой Митхаса Турана преображается в тайге ценой хотя и небольших, но все же страданий. И неспроста отец улавливает в нем женские черты – похож на мать: нос и ямочки на щеках, такой же голос, любит меха.

Как и в обряде инициации, Оскар на некоторое время оставлен в тайге один, и это означает разрыв с миром «детства», миром «материнским» и «женским», разрыв с состоянием безответственности. Отец ждет от него мужских поступков, и в знак этого Оскар должен с добычей вернуться с охоты. И хмурое настроение отца объясняется то ли полной неудачей сына, то ли тем, что косуля с ловушки ушла в тайгу с веревкой на шее, чего он не может себе простить как старый опытный таежник. «Веревка на шее не гниет» – не покидает его мысль.

Адорс, как любой представитель своего народа, глубоко почитает природу. Пресекает шумное поведение сына: «Чуч-ч, не шуми! – показывая на гору, погрозил отец» [Там же, с. 91]. Хакасы и по сей день верят и почитают горных духов – *таг ээзи*. Нельзя тревожить их без причины, особенно зимой, когда они спят. В фольклоре хакасов есть немало сказок и преданий о горных людях, об их жизни и сватовстве к людям солнечного мира. В рассказ «Таг хызы» («Дочь горных духов») Митхас Туран включил одно из таких преданий, по которому среди хакасов есть род, берущий свое начало от *горных людей*. По представлениям хакасов, горные люди имеют светлые волосы, красивый стан и необычайно нарядную одежду, от людей отличаются отсутствием бровей. Сарима – героиня Митхаса Турана из рассказа «Дочь горных духов» – имея именно такую внешность, страдает от жителей села, куда она вышла замуж. Как свекр и свекровь, так и остальные жители села верят в то, что Сарима – прямой потомок горных людей. С ее приходом в дом улучшается материальное положение семьи, хотя она для этого ничего не делает, наступает полоса удач и везений. Так трактует старшее поколение. Однажды свекр рассказал ей это предание, и по преданию в ее семье должен быть платок с серебряными кисточками, передающийся младшей дочери и приносящий богатство и счастье: *«Пір аңчы таг ээзинен нанчыластыр. Аңнап парза, нинче аң кирек, ат килче. Түлгүнең түлгү, албыганаң албыга. Таг ээзи дее ааллап килчең полбысыхан. Аңчы ол килер тузына ас-тамахтың артыгын тимнеттірче. Хараа тооза сыйласчалар. Че пірсінде ипчизи таг ээзинің чоогын ис салтыр: “Күнниг чонның пу чахсы тамах полтыр, че тісте хычырапча”. Иртен таң алнындок таг ээзи, анымчоогын пиріп, чөрібісче. Хайдаг тамах хычырапча тіп көрібіссе, таңах нымырхазы. Хасталбаан. Хайди ла салза, таг ээзи иди чичең полтыр. Аның соонда нымырханы хастап сал пирчең.*

Пірсінде таг ээзи чист оолнаң хада чит чөр. Хызыл кик чили учхтыра пазыттыг хан позырах атха мүнтір, алтын-күмүснең ат тириш чазалтыр. Олаңай ла кизилер, че харах үстүнде көміске чохтар... Ол арада иб кистінең аңчының постаң хызы пастыр кил чөр. Очы хыс чазырхас, иң не сөс испес паза абахай. Адазы чадарга сөлеенін көре, пүлемки ширде пастыр чөртір. Таг ээзи оолнаң көріс салганнар. Хыныбысхан хыс тамыры талай кизіре. Пу хыстың чолы күн чариш озаринзар, харасхыны чарых көрчең таг ээлерінзер, парыбысхан. Ічепабазы хынмаза даа, хыс таг ээзи оолга чөрібіскен... <...> Хыс таг ээлерінең хада чуртапча. Оларда ла чох ис чоғыл. Чайгы чылыглар тоозылган. Соохтар насталыбысханда, таг ээлері майыххлабысханнар.

Пір хати узуп турза, таг ээлері, хайди одырганнар, ідөк узи пиртірлер. Пуруннарынаң чирзер сурнах, сөліне агып, чирнең пірігібіскен. Пус, моргайлар польп, хатыбысхан. Кизи хызы көр сыдабаан, нога піди чударан пардыңар тіп, иринің, хастының, хазинезинің, хазынагының, халтыгының, хынчаң абызыннарының пурнындагы моргайларны оотхлап, сырайларын чысхлап турган. Че олар пір дее турбинчалар. Хысхы тооза одырглааннар.

Часхы читкен. Прайзы усхун килген. Кизи хызының ири паза тузаннары – прайзы усхунмин салганнар... <...> Таг ээлері өкіс халган килінні, тагда чуртадарга сидіксініп, ибінзер агыл салганнар.

Ол ипчичек хыс пала тааптыр – күмүс чачах агаа халган. Аннаң сыгара, тіпчелер, ол таг ээзинің чачагы төлдең төлге очы хысха ла парып одырча...» [Там же, с. 117-118]. / «Один охотник подружился с горным человеком. На охоту идет – каких надо зверей приносит. Лису так лису, соболя так соболя. Горный человек тоже стал в гости приходиться. К его приходу охотник также готовит всякие яства. Всю ночь угощаются. Однажды жена охотника услышала слова хозяина гор: “У солнечных людей вот это вкусная еда, только в зубах хрустит”. На рассвете хозяин гор уходит, попрощавшись. Жена охотника глянула, о какой еде говорил он. Это, оказывается, яйца. Нечищенные. Как поставила на стол, оказывается, он так и ел их. Впоследствии она стала чистить перед тем, как ставить на стол.

Однажды хозяин гор пришел вместе с молодым парнем. У его кроваво-рыжего коня быстрый, как у козули, ход, сбруя вся золотом-серебром отделана. Такие же люди, только бровей нет... В это время из-за дома дочь охотника вышла. Младшая дочь, самая любимая, избалованная и красивая. Несмотря на то, что отец наказал ложиться спать, она во время сумерек ходила. С молодым парнем переглянулись, приглянулись друг другу. Корни влюбленной девушки и моря пересекают. Путь этой девушки оказался за пределы солнечного света, к хозяевам гор, которые и темноту как свет видят. Как не хотели мать с отцом отпускать, ушла вместе с хозяевами гор... <...> Стала девушка жить с хозяевами гор. Какого только богатства нет у них. Лето к концу приблизилось. Стало холодать. Горные люди стали сильно уставать.

Однажды, проснувшись, она обнаружила, что все, как сидели, так и уснули. А с носа у всех капает на землю водичка и застывает лиственничной серой. Девушка подумала, какие же неряшливые, не выдержала и вытерла всем носы, отламывая серу – мужу, свекру, свекрови, сестре и братьям мужа, любимым невесткам. Но никто из них не просыпался. Всю зиму так и сидели.

Весна пришла. Все хозяева гор проснулись, а ее муж и его родные не проснулись... <...> Хозяева гор не знали, как быть с невесткой, ее семья не проснулась, и вернули ее домой.

Эта молодая женщина родила дочь – ей досталась серебряная кисточка от хозяев гор. С тех пор, говорят, эта серебряная кисточка так и передается из поколения в поколение и только младшим дочерям».

Митхас Туран с детства впитал народные верования, путем реконструкции устных преданий он вскрывает элементы верований и представлений народа, сохраняющихся по сей день. Мировосприятие хакасов мифологично. Охотники до сих пор не берут в тайгу яйца, чтобы не гневить хозяев гор и чтобы охота была удачной. А во время фольклорной экспедиции в Таштыпский и Аскизский районы Хакасии летом 2016 г. нами было записано много рассказов жителей таежных сел, которые почитают духов гор, воды, огня и знают людей,

которые имеют какие-либо связи с духами гор – *таг кизизи*. Так, жительница села Нижние Сиры Таштыпского района – Канзычакова (Амзаракова в девичестве) Вера Павловна 1943 года рождения – рассказала предание о роде Отконовых, которые произошли от хозяев гор, и до сих пор эта связь представителей рода с духами гор сохраняется. Предание рассказывала ее мать, Анна Ильинична Отконова 1912 года рождения.

В народных сказках хакасов *Таг ээзи* нередко помогает человеку, который бережно относится к тайге. Например, в хакасской сказке «Сильнее чуда» *Таг ээзи* парню по имени Адай дарит возможность охотиться в местах, где никто не охотился и где человек не ходил. «Пойдем! Еще ни одному охотнику не довелось видеть чуда зеленого царства, – и повела в подземелье. <...> Никакие богатства дворцов в убранстве серебра и золота не могли сравниться с этой красотой» [3, с. 9].

Анализируя воздействия мифологических представлений на сознание хакасов в современности, В. А. Бураков отмечает, что «в народном сознании жизнь горных людей являлась зеркальным отображением социальной действительности, моделью хакасского общества. <...> *Таг кизилери*, как и обычные люди, имеют дома, семьи, занимаются ведением хозяйства, разводят домашних животных – коров, овец, коз, лошадей. Нередко в качестве скота выступают таежные звери. С весны и до поздней осени горные люди ведут активный образ жизни. Это выражается в проведении свадеб, массовых гуляний, езды на лошадях. На зиму горные люди “замыкаются” в горе и спят. <...> Люди не только почитают сверхъестественных существ, а часто идентифицируют себя с ними и принимают участие в их жизни. Грань между жизнью и деятельностью горных и обычных людей условна» [1, с. 33].

Хакасы до сих пор сохраняют веру в возможность посещения мира горных духов. Таких людей называют «*тага таныттырган кизи*» («человек, узанный горными людьми»), «*тагдинаң*» («из горных»). По традиционным представлениям хакасов, горные люди могут лишить человека счастья. Образ Кетрин из рассказа «Дочь горных духов» – «не то шаманки, не то ведьмы», «видящей то, чего другие не видят», представляется именно таким. Кетрин, как сожительствовавшая с горным человеком, согласно поверьям народа, несчастна в личной жизни, она была влюблена в горного человека и счастлива с ним, от него и «родила» ребенка – девочку, похожую на Сариму.

С приездом Саримы в эту деревню Кетрин теряет покой, тянется к ней, поджидает везде, пугая своим загадочным поведением: «*Орапис хат алганда, наа килінни көрерге парган. Худай, ол түзінде көрчең палазына хайдаг төбөй хыс! Икі хати ол хысха, ам хыс па за – ипчи, чагын кірерге чугалас көрді, анзы арыг ойда парча. Э-э, тохта ынчык! Ол Кетриннің түстегі палазының худын хам тарт парыбысхан полар, халагай?! Аннаңар ол пала, Сарима, агаа иди хазырланча. Чолы, тізең, хачанох пеер, мында хоных хонарга салыл парган*» [5, с. 135]. / «Когда Орапис женился, она пришла на молодую жену его посмотреть. Господи, как она похожа на ее дочь, которая снилась ей! Два раза она пыталась сблизиться с ней, но та ни в какую. Э-э, погоди, вот черт! Душу того ребенка, которого Кетрин все время видела во сне, шаман украл?! Поэтому эта девочка, Сарима, так злится на нее. А дорога ее давно сюда проложена была, сюда замуж выйти предначертано».

Для Саримы сначала Кетрин связана с образом не то колдуньи, не то шаманки. В немалой степени это шло от свекрови и других жителей села. Свекровь Саримы знает, что она из рода шаманов – *хам хыри*, побаивается ее и поэтому всегда угрожает ей. А когда Меедек, свекр Саримы, поругался с Кетрин из-за покоса, женщины боялись, как бы не наслала Кетрин всяких проклятий на семью, на дом. Сыну Орапису она говорит: «*Чуртас кизи хараанда ла нимес, аның көрінминчеткени хай-хай көп*» [Там же, с. 125]. / «Жизнь – она не только перед глазами, ее невидимая часть намного больше». Словами свекрови Саримы автор выражает мнение народа в целом, его веру в невидимый мир, с которым связаны только шаманы. Сарима с ужасом ждала, что свекр, по старому поверью народа (как он и грозился), оденет на Кетрин треножник (*очых өтіре тартарга*) или будет камнем из очага рисовать на ее лбу крест, чтобы не могла использовать свои колдовские чары. В подтверждение своей причастности к шаманскому роду Кетрин сказала Сариме перед этим, что «шаманы только горных людей не трогали, а тех, кто мешает, к скале приковывали» [Там же, с. 121]. Не только Сарима, но и другие герои рассказа происходящее воспринимают как реальную действительность. Шаман был неотъемлемой частью жизни хакасов, и в произведениях литературы этот образ, наряду с образом хайджи-сказителя, является наиболее значимым в отражении национального образа мира. К образу шамана обращалось большинство хакасских писателей: А. М. Топанов (комедия «Одураченный Хорхло», 1941), М. С. Коков (драма «Акун», 1940), Н. Г. Доможаков (роман «В далеком аала», 1960), Н. Е. Тиников (повесть «Шаман Арчот», 2011) и др. В. А. Бураков о значимости шамана для хакасского общества пишет так: «В мироздании, лишенном непреодолимых границ, абсолютных воплощений зла и добра, актуальной становилась фигура посредника, медиатора. Он связывал воедино все области Вселенной, регулировал процессы “взаимообмена”, движения жизни, защищал свою общину и возвращал украденную душу человека. <...> Мыслью, словом и делом они отрицали однозначность окружающего мира, проникая в своих полетах-фантазиях в сферы зыбкого, вероятностного» [1, с. 22].

В рассказе Митхаса Турана неспроста образ шамана связывается с образом горных людей (Кетрин и Сарима). Дар камлания шаман получал от покровительствующего хозяина священной горы, а дочери хозяина горы помогали шаману во время камлания. Быт и сознание современного хакаса вовсе не такие, как в традиционном обществе, и шаман перестал играть такую важную роль в жизни человека, но в его сознании до сих пор образ шамана является обладателем сакральной власти. И писатель сознательно или бессознательно выдает этот внутренний мир этнической культуры в своем творчестве. В рассказе Митхаса Турана описание мифологических персонажей – *духов гор, горных людей* – это авторская трактовка мифа, бытующего в разных вариантах в народе и ныне. Хозяева гор рисуются всемогущими, при почитании их людьми – благосклонными к людям, даже вступающими с ними в брак. Сарима всеми своими силами противится этим «поверьям» до тех пор, пока по приезде в родной дом мать не подарила ей платок с серебряными кисточками как младшей

дочери. Таким образом, художественная реальность рассказа «Дочь горных духов» показывает значимость языческих реалий для культуры хакасов.

Итак, наиболее характерными образами и мотивами, воплотившими в себе национальный образ мира, являются *чир-суг* 'родная земля' (букв.: земля-вода), *чурт* 'дом', 'жилище'; *төл* 'род', 'потомство'; *пай тирек* 'тополь' как родовое (мировое) древо; *хам* 'шаман', *таг кизи* 'горные люди', 'духи гор'. Эти образы и мотивы в творчестве Митхаса Турана поставлены в сюжетно-композиционный центр данных рассказов, они входят в систему категорий, выражающих особенности склада мышления народа. И можно заключить, что вышеназванные образы и мотивы национального образа мира генетически связаны с мифологическими представлениями народа о мире и в литературных произведениях являются своеобразным проявлением культурного бессознательного.

Список литературы

1. **Бурнаков В. А.** Духи среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. Новосибирск: Издательство института археологии и этнографии СО РАН, 2006. 197 с.
2. **Гачев Г. Д.** Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос. М.: Прогресс; Культура, 1995. 479 с.
3. **Сильнее чуда** / пер., лит. обработка А. Я. Медведовской // Алтын хыс. Хакассские сказки. Абакан: Хакаское книжное издательство, 1992. С. 4-10.
4. **Топоров В. Н.** Модель мира (мифопоэтическая) // Мифы народов мира: в 2-х т. / В. Н. Топоров. М.: Советская энциклопедия, 1988. Т. 2. С. 161-164.
5. **Туран Митхас.** Чуртас чолларынча: сборник рассказов / на хакасском языке. Абакан: Хакаское отделение Красноярского книжного издательства, 1984. 150 с.
6. **Шешунова С. В.** Национальный образ мира в русской литературе: П. И. Мельников-Печерский, И. С. Шмелев, А. И. Солженицын: дисс. ... д. филол. н. Дубна, 2006. 368 с.

THE NATIONAL IMAGE OF THE WORLD AND THE LEGEND OF MOUNTAIN PEOPLE IN MITKHAS TURAN'S STORIES

Mainagasheva Nina Semenovna, Ph. D. in Philology
Khakass Research Institute of Language, Literature and History
Nina_71@inbox.ru

This article analyzes the stories of the Khakass writer Mitkhas Turan with the purpose to identify and describe the specificity of the national image of the world. The paper reveals the composition of the artistic components in the stories "Mountain Spirits' Daughter", "Poplars", "Goat's Feet", representing the Khakass national image of the world. The main elements of the national image of the world, as Mitkhas Turan's stories show, lie in mythopoetics and artistic images and motives used by the writer.

Key words and phrases: Mitkhas Turan; national image of world; mythologism; Khakasses; story; the Khakass literature.

УДК 821.584.6

Статья посвящена описанию рукописного наследия калмыцкого буддийского священнослужителя Цагана Атхаева, хранящегося у потомков п. Улан-Хол Лаганского района Республики Калмыкия. В коллекцию ойратских рукописей входят буддийские канонические сочинения, сборник рассказов о пользе чтения «Алмазной сутры», обрядовые тексты, послания-пророчества, а также большой корпус текстов астрологических сочинений, таблиц и календарей. В статье также описываются автографы Цагана Атхаева, которые были переписаны им с источников, хранящихся в рукописных коллекциях других священнослужителей. Перед описанием коллекции автором дана краткая биография Цагана Атхаева. В результате автор приходит к выводу, что рукописи и ксилографы, хранящиеся в частных коллекциях, могут пролить свет на историю культуры и религии у калмыков.

Ключевые слова и фразы: буддизм; рукописное наследие; частная коллекция; священнослужитель; Цаган Атхаев; ойратский язык; автограф; ритуальный текст; источник; канонический текст.

Меняев Бадма Викторович

Калмыцкий научный центр Российской академии наук
bmeuaev@mail.ru

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ КАЛМЫЦКОГО СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯ ЦАГАНА АТХАЕВА

Статья подготовлена при финансовой помощи проекта РГНФ № 16-04-00281 «Частные коллекции калмыцких (ойратских) рукописей в России и Китае (по материалам археографических экспедиций 2012-2014 гг.)».

На сегодняшний день собрание, археографическое описание и введение в научный оборот ойратских литературных памятников, имевших хождение среди ойратов и калмыков, является одной из актуальных проблем монголоведения.